

Смех ученых -

Научная ирония стала темой пленарного круглого стола IV международной научной конференции «Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании-2019». Конференция проводилась в Южном федеральном университете по программе университетских мероприятий, посвященных 100-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Ю.А. Жданова.

ПОЧЕМУ МИР СТАНОВИТСЯ АБСУРДНЫМ?

Реформа РАН уже на протяжении шести лет остается основной мишенью сатиры российских ученых. По словам главного научного сотрудника Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН, члена-корреспондента РАН Ю.М. Батурина (на фото второй справа), начиная с 2013 года выходит масса публикаций о преобразованиях в академии.

– В основном – иронических, – заметил он. – Когда началась академическая реформа, многие ученые почувствовали, что оказались в абсурдном мире. Можно смеяться бесконечно, но лучше разобраться в первопричине абсурда и понять, что делать дальше.

В докладе: «Реформа науки: принцип двойственности абсурда и логики» Ю.М. Батурина сравнил российскую науку с автомобилем, которому надо из пункта А добраться в пункт Б. Реформу уподобили фольге, которую прицепили на лобовое стекло автомобиля. Фольга не дает возможности водителю рассмотреть дорогу. На фольге есть индикатор, показывающий затраты на ремонт автомобиля, если сделать поворот влево или вправо. Так «вслепую», по мнению ученого, управляет наукой министерство науки и высшего образования. Индикатор – показатель количества статей, опубликованных в Web of Science. Раньше был механизм, дающий общее представление о науке у людей, ею занимающихся, – Академия наук. По отраслевым отделением знали, что делается в институтах. В президиуме Академии отслеживали работу отделений. Реформа началась с ликвидации этого механизма обзора. Его превратили в клуб ученых. Подобную ситуацию абсурда описал Гоголь, когда Нос у майора Ковалева вдруг соскочил с него, надел шюртук и стал служить по ученой части. Юрий Батурина процитировал еще одну книгу, где мир вдруг становится странным. В романе братьев Стругацких «За миллиард лет до конца света» ученый, находящийся на пороге открытия, стал замечать, как вокруг нарушается логика происходящего. Оказалось, Вселенная почувствовала угрозу от будущего открытия и начала сопротивляться.

– Необходимо всем научным отраслям: математике, информатике, социологии, семиотике, философии поставить задачу разработки принципов и концепции беззнаковой системы управления наукой, призвал Ю.М. Батурина. – Метафорой может служить переход от дорожных карт науки к управлению типа «Google Science». Сопротивляться же научной реформе поздно. Абсурду теперь нужно помогать. Ведь вокруг Web of Science уже появился бизнес. За деньги делают публикации. Не надо против этого возражать. Через какое-то время мир возмутится, что мы замусорили Web of Science. И тогда наши руководители скажут: «Нужна новая реформа!». А мы ответим: «У нас есть новая концепция управления наукой!» Реформаторы

науки ныне не понимают, в чем движущая сила науки. Мы понимаем. Это – наше преимущество, которое надо использовать. Не надо пугаться от абсурда, нужно быстрее к нему продвигаться и пройти сквозь него к здравому смыслу. Поднятая тема вызвала горячее обсуждение. – В фильме «Покаяние» герой сознается во всех абсурдных обвинениях и призывает к этому других, – заметила доктор социологических наук, заведующая сектором эволюции социально-экономических систем Центра эволюционной экономики Института экономики РАН

науки ныне не понимают, в чем движущая сила науки. Мы понимаем. Это – наше преимущество, которое надо использовать. Не надо пугаться от абсурда, нужно быстрее к нему продвигаться и пройти сквозь него к здравому смыслу.

Поднятая тема вызвала горячее обсуждение.

– В фильме «Покаяние» герой сознается во всех абсурдных обвинениях и призывает к этому других, – заметила доктор социологических наук, заведующая сектором эволюции социально-экономических систем Центра эволюционной экономики Института экономики РАН

ПРОФЕССОР А.Н. Олейник (справа) и профессор В.В.Вольчик (ЮФУ)

С.Г. Кирдина-Чэндлер. – Он считает, будто наверху поймут, что все не могут быть шпионами всех разведок и откажутся от политики репрессий. Не отказались. Несопrotивление абсурду вряд ли спасет и в нашей ситуации.

Модератор научной дискуссии директор Центра политической концептологии Института философии и социально-политических наук ЮФУ профессор В.П. Макаренко (на фото сверху второй слева) напомнил коллегам, что в названии круглого стола присутствует слово «ирония».

ИРОНИЯ ПРОТИВ ФУНДАМЕНТАЛИЗМА

О том, какое место ирония занимает в современном мировоззрении, рассказал руководитель Центра исследований идеологических процессов Института философии РАН (Москва) А.В. Рубцов (на фото справа). По его словам, время, в котором мы живем, можно назвать постсовременностью. Это – объективная ситуация, сложившаяся после того, как высокий модерн исчерпал все возможности развития нового времени. Модерн привел к абсурдному результату – гипертрафии порядка, тотальному проекту. Постмодерн – культурная реакция на эту ситуацию. Мы – люди постмодерна. У нас сложилось другое отношение к порядку. Эклектика вошла во все практики повседневности: моду, системы – питания, медицины, образования, все перепутав и перемешав. Постмодернизм – «партия» постмодерна, в которой художники, философы, музыканты и архитекторы воплощают его идеи в творчестве. Пример постмодернизма в одежде – джинсы, которые специально состарили, сделав потертости и дырки, в архитектуре – висающая в воздухе колонна. Постмодернизм – насмешка, прикол, имитация исторически сложившегося. Страшно здесь, когда исчезает ирония. К примеру, в Москве появились здания, которые называют лужковским модерном. Люди с «совковым» мышлением из западной архитектуры понадегали приколы и налепили на официальные здания для красоты. В этом уже нет изящества самоиронии постмодерна.

В литературе и философии постмодернизма синтаксис – постоянное демонстративное нарушение взаимоотношений и между элементами, либо эстетизация нарушений, художественная попытка работать на диссонансе. И диссонанс

здесь не подчеркивает гармонию в целом, а разрушает ее. Семантика представляет собой коллаж цитат из рутинированных текстов. Обычно в цитате воспроизводится смысл источника. Постмодерн же разрушает изначальный текст, используя его элементы как строительный материал для собственных текстов, меняя смысл первоисточника. В прагматике же главным словом становится ирония.

– В философии полно людей, пишущих о современной иронии, только иронистов мало, – заметил А.В. Рубцов. – Гениальным иронистом был влиятельный американский ученый Ричард Маккей Рорти. Будучи философом, он иронизирует над философией, ее статусом

фундаментальной, законодательной «привилегированной» дисциплины. В книге «Случайность, ирония и солидарность» он пишет, что философия в прежнем своем качестве умирает. Как и в религии, в ней уже не будет вселенских движений. Но, уходя из этих пространств, она проникает во все поры жизни. Философия сегодня занимается смазыванием трущихся поверхностей между государством и обществом, наукой и культурой, национальностями... Она проникает диффузно и работает. Сегодня необходимо больше философской публицистики. К этому отношусь очень серьезно. Помимо публикаций в научных журналах, пишу каждый год порядка сорока статей в газеты и журналы. Если количество просмотров моей статьи на сайте нашего института – 100, то на РБК – 270 тысяч. Это важно.

ОБ ИЗГНАНИИ ИЗ НАУЧНОГО РАЯ

Профессор Memorial University of Newfoundland (Сент-Джонс, Канада) А.Н. Олейник не согласился с идеей Ю.М. Батурина о том, что с 2013 года пространство, в котором живут ученые, резко изменилось.

– Я не считаю период до 2013 года золотым временем науки, – подчеркнул профессор. – Попытаюсь найти точку отсчета, с которой радикально все изменилось, в работах философа Майкла Поланьи. Золотым периодом для ученых он считает научную республику. Это – демократичная среда, где власти нет места, а ученые предоставлены сами себе. Исторический аналог – «Республика писем», возникшая в Европе в эпоху Ренессанса и Просвещения. Но даже в этом идеальном случае ученые не справились с задачей саморегулирования и самоуправления. Как только была поставлена задача оценить друг друга, проявилась радикальная неспособность справиться с конфликтами интересов. При рецензировании работ «своих» все заслуживают, чуть ли, не «Нобелевской премии». Работы «чужих» оказываются бездарным плагиатом.

Так что, по мнению А.Н. Олейника, ученые были изгнаны из научного рая значительно раньше 2013 года. Ученый привел слова Мишеля Фуко: «Давление со стороны коллег может быть значительно более жестоким и действенным, чем давление со стороны начальства». Чиновники же пытаются управлять по универсальным лекалам. Обычно это люди, не состоявшие как ученые и ушедшие из науки в администрацию. На самом же деле они – расплата за неспособность ученых управлять самими собой и разрешать конфликт интересов.

Во время обсуждения доклада А.В. Рубцов заметил, что поднят принципиальный для всей страны вопрос.

– Вы говорите, что ученые не могут справиться с управлением собой, – возмутился он. – Но потом оказывается, что те, кто берется решать эту проблему, делают все гораздо хуже ученых. Говорят, что Россия не готова к свободе. А к несвободе она готова? Вместо того, чтобы выстраивать безумные структуры, которые только мешают,

оружие или защита

давайте решать проблемы и наводить порядок внутри научного сообщества, как всегда это было.

ТРЕП, СТЕБ, БРЕХНЯ И ЛОЖЬ. НОВАЯ МИССИЯ

Особенность нашего времени – колоссальный рост информации, который властям всех стран сложно контролировать традиционными способами. С новыми инструментами системы государственного надзора за содержанием и распространением информации ознакомил доктор политических наук, профессор ЮФУ **С.П. Поцелуев** в докладе «Треп, стеб, брехня и ложь в пространстве когнитивной политической цензуры»

Современному человеку трудно ориентироваться в потоке информации, ежедневно обрушивающемся на него, сложно отличить достоверные факты от фейковых новостей. Именно на этом моменте уязвимости строятся новые формы политической цензуры. В отличие от традиционной цензуры, они не ставят барьер между человеком и текстом, а ослабляют восприятие текста. Цензура осуществляется в когнитивной сфере и связана с базовыми познавательными способностями человека. Прежде всего, речь идет о внимании. Внимание – дефицитный ресурс в условиях информационного общества, за который бьются многие авторы. Ослабление внимания – эффективный способ закрыть доступ к той информации, которая считается опасной и нежелательной. Когнитивная цензура, как и классическая, предполагает весьма конкретные вещи: субъекта, ситуацию, информацию, которую нужно скрыть. Среди публикаций, посвященных новейшим внедрениям в коммуникативной сфере, стоит обратить внимание на книгу «За стеной фильтров» Эли Паризер. В этом труде говорится о том, что в Интернете мы видим сильно отредактированный вариант мира. Мы не замечаем фильтров и даже не догадываемся, что из картины что-то выбросили. Более того, сегодня не мы определяем, что нам важно. Темой же научного интереса С.П. Поцелуева стали языковые средства жанров, посредством которых достигается ослабление когнитивной способности медийной аудитории. Он заметил, что особое значение в современном дискурсе приобретают такие жанры, как треп, стеб, брехня. Тонкий лингвофилософский анализ этих концептов языка привел американский философ Гарри Франкфурт, подчеркивающий, что в мире есть очень мощный запрос на ложь и незаинтересованность в действительности.

Принципиально для брехни то, что она безотносительна к правде. Брехун извращает факты, но это не значит, что они не соответствуют действительности. Забота об истине здесь вообще отсутствует. Специфика лжи в том, что, когда человек лжет, он действует сосредоточенно и знает истину, которую нужно заменить ложью. Люди по-разному реагируют на брехню и

ложь. Брехня не воспринимается как личный вызов. Она похожа на треп, хотя это – другой языковой жанр. В трепе тоже нет заботы об истине. Но люди треплющиеся применяют к себе определенные позиции. При этом они не претендуют на то, что высказывают свою позицию.

Что касается стеба, социолог Лев Гудков дает его дефиницию, как аккорд интеллектуального ерничества, состоящий в снижении сильного через демонстративное использование в пародийном контексте. Стеб не сосредоточен на производящем его субъекте и обращен на объект. Часто его функция – десакрализация объекта, разрушение его идеологической конструкции. Высокий интеллектуальный стеб близок политической сатире. Он помогает прояснить ситуацию.

– Все эти жанры отвечают духу постправды, – заметил С.П. Поцелуев. – Однако, когда утверждается, что когнитивная цензура использует дискурс постправды, подразумевается именно жанр брехни. Причина в том, что истоки брехни и когнитивной цензуры примерно одни и те же – информационный поток. Брехня стимулирует ситуации, когда возможность высказаться на некоторую тему превосходит знание говорящего фактов, существенных для этой темы. Подобное противоречие обычно для публичной жизни, участники которой часто вынуждены подробно обсуждать вещи, в которых они в той или иной степени невежественны. Это – типичная ситуация для политики. С макросоциальной точки зрения брехня не менее опасна, чем ложь. Брехун, в отличие от лжеца, не скрывает истины, он ее просто игнорирует.

НАУКА И АВОСЬ

– Я буду говорить про науку, а потом – про «авось», – заявил доктор философских наук, профессор кафедры психофизиологии и клинической психологии ЮФУ **В.А. Шкуратов**. – Наука – штука нормативная, престижная. Без науки нельзя войти в современность. Без «авось» – можно. «Авось» – это такая идиома, то ли усилительная частица, то ли наречие, то ли существительное. Но «авось» помогает понять нашу российскую ментальность в столкновении с рациональностью, которая не является вполне нашей. Я считаю, что наука – национальный дискурс некоторых западных народов. И беру здесь в качестве союзника Освальда Шпенглера, утверждавшего, что Россия – это случай псевдоморфоза. Она заимствует западные институты и обращает их в нечто дру-

гое. Поэтому и выборы в России не выборы, парламент не парламент, наука не наука.

По словам профессора, западный научный дискурс формируется одновременно с западной национальной идентичностью и входит в эту идентичность. А в России – нет. Формирование научного дискурса

не виноваты. Прикажут – и Россия завтра же покроется школами и университетами; прикажут – и просвещение, вместо школ, сосредоточится в полицейских управлениях. Куда угодно, когда угодно и все, что угодно...» Государственное насаждение науки требует исполнителей, успешных менеджеров, которые не имеют особых знаний, а, как ирони-

чески пишет Салтыков-Щедрин, просто талантливые русские люди. В «Господах ташкентцах» писатель создает карикатурную типологию ученых двух полюсов. Первый – исполнитель, успешный менеджер, которому не нужна голова. Второй – академик и тайный советник,

в мозгу которого клубится бред. Сатирический взгляд Салтыкова-Щедрина видит российскую науку как один из разделов департамента мечтаний и фантазий российской бюрократии. Хорошо, что эти мечтания становятся все более легкими, паллиативными, не приносят большого вреда и просто паразитарно-доходные для их участников. С другой стороны, они поддерживают отношение власти, при котором наука является частью бюрократического порядка вещей. Она из этого круга вырваться не может.

– Причем тут авось? – вернулся к заявленной теме профессор. – Основой российского национального формирования мира, национальной идентичности является утопия. Утопия в различных модификациях: религиозная, литературная, социально-светская, псевдонаучная. Это – сублимированный бред, не имеющий особого отношения к реальности, но вращающий жернова заведенной бюрократической машины, где главными моментами являются воля начальства, успешные менеджеры, послушные исполнители. И России из этого круга, как показывают постоянно встречающиеся аналогии между Салтыковым-Щедринским и нашей современностью, вырваться не удастся. Что и делает писателя таким популярным.

ПОЧЕМУ СМЕШНО НЕ ВСЕМ

Профессор С.Г. Кирдина-Чэндлер задумалась над тем, что такое смех, почему люди смеются. В социологической литературе смех – контрсуггестия. Это – способность противостоять прямому внушению, давлению, защита от духовно-идеологического насилия. По мнению философа А. С. Ахиезера, смех является отрицанием посредством утверждения и одновременно утверждением посредством отрицания. Но почему одним смешно то, что для других – серьезно? Профессор привела пример из своей практики:

– Как-то я присутствовала на заседании, где обсуждался план деятельности одного НИИ. Выступил коллега, который хотел узнать, почему их коллективу разрешили напечатать только одну монографию из множества принесенных. Новая заместитель директора не знала толком, что ответить. Она стала объяснять, что коллектив каждый год, начиная с 2008 года, издает по одной-две монографии... Я решила поддержать коллег и спросила: «А какой индекс цитирования этих работ?» Оказалось, фактически их никто не цитирует. Они даже сами себя не цитируют. Собственно, это объясняло позицию, почему институт не стал тратить ресурсы на издание. Но тут встала руководитель этого центра и с вызовом заметила: «У нас такой уникальный коллектив, который пишет такие невероятные вещи, что их цитировать никто не берется».

Я засмеялась, но вижу – никто не смеется. Люди серьезно думают, что этот коллектив велик и могуч. Возможно, в связи с реформами у нас появился разрыв в понимании того, что нужно делать ученым. Поэтому и возникает такая разная реакция. Есть у меня еще один вопрос. Во времена расцвета науки в 70-е годы, когда было хорошее финансирование, шутили и физики, и лирики. Сейчас мы опять обращаемся к смеховому дискурсу. То, что наука начинает смеяться над собой, означает ее усиление, или ослабление? Пока я так и не поняла, это – оружие или способ защиты.

Обсуждая тему, ученые заметили, что шутили над собой обычно люди великие, такие, как Эйнштейн. То, что начали смеяться, иронизировать, дает надежду на возрождение науки. Если научное сообщество готово к иронии и смеху, значит, оно достаточно сильно.

Людмила Браиловская
фото А.Березняка

и национальной идентичности у нас разделено во времени. Иллюстрацией этой позиции могут служить произведения Салтыкова-Щедрина, понимающего российскую ментальность. В его книге «Господа ташкентцы» есть характерный эпизод. Одно литературное похвалили за хорошее знание истории. На что тот ответил: «Прикажут – завтра же буду акушером». В.А. Шкуратов в связи с этим вспомнил эпизод из своей ранней преподавательской карьеры. В начале осени он обнаружил, что в его учебную нагрузку внесли курсы, которые он знал только по названию. Удивленный, он поинтересовался у и.о. завкафедрой, почему он не может читать прежние курсы, которые знает. Тот ответил: «Я – кандидат технических наук, отставной полковник, фронтовик. И если мне скажут прочесть курс гинекологии, я прочту». Эти два эпизода разделены отрезком в полтора века, но они подобны. Салтыков-Щедрин пишет, что в России отзывчивость к приказам – мера талантливости человека. «Ежели мы не изобрели пороха, то это значит, что нам не было это приказано; ежели мы не опередили Европу на попрание общественного и политического устройства, то это означает, что и по сему предмету никаких распоряжений не последовало. Мы